

Зимой солнце вставало поздно, потому к окончанию утреннего собрания его бледные лучи едва-едва посеребрили запорошенные снегом крыши императорского дворца. Неспешно прогуливаясь меж высоких стен в лабиринте Запретного города, господин Ли и Пятый принц задумчиво обсуждали дело, что поручил Ли Инчуню Император. Убитый человек был слугой в лавке благовоний на центральной улице и трудился там больше пяти лет. Семья его жила вне столицы и известно о ней многого не было, а с людьми рядом он не имел близких отношений. Его помнил продавец лепешек с ослиным мясом у благовонной лавки, помнила швея, у которой он чинил свою одежду, помнили торговцы на рынке. Но для каждого этот человек был лишь один из многих, не хорошим и не плохим, не добрым, но и не черствым — самый обычный человек, каких в столице неисчислимо множество.

Размышляя над этим, Ли Инчунь невольно взглянул на Пятого принца: вот он из толпы неизменно выделялся. Даже не будь он сыном Императора, Фу Ичжэнь обладал мягкими чертами лица, хитрыми глазами и приятным голосом, что даже глупости, которые он обычно болтал, хотелось слушать. Будь он простым человеком — и лавочники и хозяева публичных домов до крови дрались бы друг с другом, лишь бы нанять его в свое заведение.

Словно почувствовав, что в голове господина Ли появились оскорбительные мысли, Пятый принц, который до этого неспешно болтал о какой-то нелепице, перевел на него взгляд. Господин Ли выше был лишь на жалкий цунь, но сейчас тяжело оседал на раненую ногу, потому разницы этой было не заметить. Глаза молодых людей встретились.

— Что ты об этом думаешь? — терпеливо повторил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь не стал увиливать:

— О чем? Я не слушал.

Когда Пятый принц говорил серьезно, брови его чуть приподнимались, а взгляд словно застилал поздний осенний туман: выражение это было не лишено изящества и благородства, но господина Ли наталкивало на иные ассоциации, потому он терялся. Впрочем, Ли Инчунь не спешил признаваться в собственных размышлениях, потому отвел взгляд.

В этот момент мимо прошла стайка дворцовых служанок: остановившись на почтительном отдалении от Пятого принца, они низко поклонились ему, приветствуя. Ли Инчуню достались лишь любопытные взгляды из-под полуопущенных ресниц.

Фу Ичжэнь через силу улыбнулся:

— Знаешь, иные за честь поговорить со мной готовы отдать несметные богатства.

— Не знал, что Ваше Высочество стоит так дорого, — безразлично отозвался Ли Инчунь. Даос Чжунчу, что сопровождал сегодня принца, этой грубости за его спиной фыркнул, и Фу Ичжэнь бросил на него яростный взгляд, упустив момент, чтобы достойно ответить господину Ли. Тот продолжал: — Ваше Высочество наверняка рассуждал об убийстве, но пока делать какие-то выводы глупо: мы знаем слишком мало. Решите придерживаться некоего плана сейчас и можете сами себя поймать в ловушку собственных ложных выводов.

— Не стоит относиться к этому так легко, — нахмурился Пятый принц. Молодые люди продолжили идти: делали они это медленно, поскольку господин Ли все еще хромал и опирался в ходьбе на темную трость, но Фу Ичжэнь легко под него подстроился. — Император на приеме был добр к тебе, но если ты не выполнишь его поручение — он не будет снисходителен.

— А я разве планирую оплошать? — удивился Ли Инчунь. — Мы так раз идем в дворцовое

управление, чтобы взглянуть на труп.

— Но управление же в другой стороне, — внезапно заметил Чжунчу Чэн, обернувшись. — Зачем нам идти длинной дорогой?

— Потому что не я один отвечаю за это дело, а пересекаться с генералом пока рано, — спокойно ответил Ли Инчунь и даос понятиливо протянул:

— Вот как... Что ж, на вашем месте я бы тоже его боялся.

Господин Ли бросил на него недовольный взгляд:

— Я сказал, «пока рано встречаться».

Чжунчу Чэн кивнул с ужасно неискренним выражением:

— Конечно.

Ли Инчунь и Фу Ичжэнь невольно переглянулись: без слов они согласились, что некоторым людям от рождения не хватает чувства такта.

К управлению компания пришла уже когда полностью рассвело: дремавший на посту стражник выглядел удивленным и растерянно сообщил, что Цзяннаньский хоу не приходил, чтобы взглянуть на труп. Разрешение Ли Инчуна, однако, было в порядке, потому мужчина без слов отпер перед господами тяжелую дверь, за которой крутые ступеньки уходили во тьму. Обычно трупы хранились вне Запретного города, но гвардия Императора принесла убитого сюда, чтобы расследовать обстоятельства его гибели. В холодном каменном подвале его тело лежало на небольшом возвышении, обложенное грубыми мешками со льдом: несмотря на прохладу помещения, от которой изо ртов пришедших пошел пар, умерший не смог бы долго сохраняться здесь.

— Рана глубокая и прямая, — сказал Ли Инчунь, невольно понизив голос и склонив голову к Пятому принцу. — Ее нанесли не скрытым оружием, а чем-то увесистым и острым, — юноша огляделся и указал на клинок приведшего их охранника. — Вроде его меча.

Мужчина нервно улыбнулся:

— Не шутите так, молодой господин.

Несмотря на спокойные рассуждения, Ли Инчунь не спешил приближаться к умершему, а вот Пятый принц вовсе не выглядел испуганным или смущенным. Он приблизился к возвышению и опустился на корточки рядом, вглядываясь в лицо слуги. Достав из одежд белоснежным платок, Фу Ичжэнь повернул голову мужчины, а после приоткрыл его рот, заглядывая внутрь.

— Ни отравления, ни удушения... — пробормотал он. — Без сомнений: он умер из-за этого удара, — опустив руку ниже, Пятый принц нажал на грудь умершего: кровь его на одеждах уже свернулась, но на платке все равно осталось несколько влажных пятен. — Били с такой силой, что сломали несколько ребер. Кроме того, — Фу Ичжэнь обратил внимание на ноги жертвы: — Штаны на одном колене стерты, словно он упал на бегу. Вероятно, пытался сбежать, но смерть все равно встретил лицом к лицу.

Поднявшись, Пятый принц безразлично взглянул на тело. Умерший мужчина был средних лет, с простыми чертами лица и умиротворенным выражением — впрочем, трудно теперь было

сказать, каким его лицо было при жизни. Ли Инчунь слышал где-то, что, когда люди умирают, лицо их неувовимо меняется. Даже во сне или беспамятстве такого выражения не увидеть: это посмертная маска.

Фу Ичжэнь небрежно бросил платок Чжунчу Чэну:

— Сожги его, — и спокойно отряхнул руки. Даос поймал платок, но прикасаться к нему более, чем двумя пальцами, не решался и, вытянув руку, что-то тихо пробормотал себе под нос — через мгновение ткань вспыхнула теплым пламенем и в один миг обратилась пеплом.

Ли Инчунь невольно спросил:

— Ваше Высочество совсем не боится мертвых тел?

— В цзянху я видел многое, — улыбнувшись, отозвался Фу Ичжэнь. Они посмотрели все, что хотели здесь, потому неспешно пошли к выходу. — Мир боевых искусств бывает жестоким, потому мертвые люди, оторванные руки и ноги, страшные болезни — ко всему этому привыкаешь. В цзянху, например, есть темная техника, в которой заклинатель все свое тело отдает злым духам и они десятилетиями пожирают его — зрелище не из приятных, но человек даже в таком состоянии остается жив.

Говорил Пятый принц убежденно, но невольно, идя рядом, Ли Инчунь оглядывался на Чжунчу Чэна, который, тоже принадлежа миру цзянху, не чувствовал себя так же непринужденно. В своей душе господин Ли легко нашел этому объяснение, но не стал пока ничего говорить.

На пути из Запретного города молодые люди так и не пересеклись с солдатами Пань Таня: оказалось, те покинули дворец сразу после собрания. Даос Чжунчу заметил, что Цзяннаньский хоу относится к заданию Императора еще более небрежно, чем господин Ли: последний же лишь глубже задумался. Он не стал возвращаться в поместье Фэн, а в сопровождении Пятого принца отправился в лавку, где работал убитый. Ранее Фэн Жун рассказывал ему о ней, потому среди пестрых вывесок и зазывал еще издали Ли Инчунь заметил нужное здание и фигуру в окне второго этажа, которая наблюдала за остановившимся экипажем и появившимися из него людьми.

Подошедшему слуге Ли Инчунь бросил:

— Его Высочество Пятый принц хочет поговорить с вашей госпожой, позови ее.

Слуга сначала испуганно замер, переводя взгляд с господина Ли на улыбающегося нехорошей улыбкой принца за его спиной, и после спешно повел гостей внутрь. Молодых людей устроили в комнате на втором этаже, принесли чай и закуски, а также разожгли жаровни, к которым Ли Инчунь тут же протянул холодные руки. Короткая прогулка по Запретному городу во всем его теле сейчас отдавалась слабостью и холодом, который проникал словно в самые кости.

Фу Ичжэнь язвительно заметил:

— Тебе стоило бы вернуться в поместье, раз ты еще слаб.

— Ваше Высочество слишком добр: вы и держа меня во рту боялись бы, что растаю, — не смутившись и мгновения, отозвался господин Ли. Иногда Пятому принцу вовсе казалось, что за серьезным выражением лица единственное, о чем думает этот человек, как ответить на ту или иную шутку — иначе почему все отмашки у него получаются такими складными? Не говоря уж о Чжунчу Чэне, рассмешить которого было до странного просто, в этот раз даже Фу Ичжэнь не

смог сдержать ухмылки.

Хозяйка лавки благовоний не заставила себя долго ждать: она вошла в комнату в сопровождении нескольких слуг и вежливо поклонилась принцу. Несмотря на то, что помещение было хорошо протоплено, женщина была облачена в темные шелковые перчатки, а на ее широких плечах лежал меховой воротник, не дающий рассмотреть изгибы фигуры. Ван Сяолун каждым неспешным движением и кротким словом излучала достоинство, о котором многие могли лишь смиренно мечтать, потому даже сердце Пятого принца, что видел в своей жизни людей куда более важных и великих, невольно вздрогнуло.

— Эта служанка приветствует молодого господина и Его Высочество Пятого принца, — низким голосом сказала Ван Сяолун, склонив голову. Тугой пучок на ее затылке был скреплен лишь простой бронзовой шпилькой, но на лицо выбились несколько прядей: в сочетании с глубокими тенями под глазами женщины казалось, словно господа оторвали ее от важной работы. И все же, голос госпожи Ван оставался дружелюбен. — Моя скромная лавка получила весточку от Вашего Высочества, но, боюсь, у нас не было достаточно времени, чтобы подготовиться к визиту. Надеюсь, вы будете милосердны.

— Это принц рад наконец-то познакомиться с вами, — склонив голову, ответил Фу Ичжэнь. — Молодой господин Фэн много рассказывал о вас, а его друзья — и мои хорошие приятели, потому не нужно церемоний.

— Благодарю, — кивнула госпожа Ван и заняла место напротив молодых господ. Уголки ее тонких губ, подведенных алой киноварью, были тоскливо опущены, но выражение лица оставалось чутким, будто хозяйка в самом деле польщена визитом. Пятый принц больше не желал говорить, потому в разговор вступил Ли Инчунь.

— Моя фамилия Ли, — сказал он, спрятав в рукава не желающие согреться руки. — Не стану долго томить вас ожиданием: этим утром Император приказал мне расследовать дело о смерти вашего работника, потому я здесь.

— Понимаю, — кивнула госпожа Ван. — О его смерти мне сообщили незадолго до вашего приезда, но все, что знаю, я расскажу.

— Расскажите сами? — изогнув бровь, уточнил Ли Инчунь. Тут же он пояснил: — Пусть в вашем подчинении лишь одна лавка и несколько торговых палаток в иных местах, работает на вас несколько сотен человек, неужели вы знаете каждого?

— В той или иной степени, — без стеснения кивнула госпожа Ван. — Мне важно нанять на работу тех людей, которым пусть в мелочах, но я смогу доверять, потому я с каждым стараюсь познакомиться. Кроме того, часто на меня работают целыми семьями: отцы приводя сыновей, те своих друзей и подруг — каждому хочется поделиться хорошим местом с близким.

— Но умерший слуга жил один, — припомнил Ли Ичунь. Госпожа Ван вздохнула.

— Это так. Его фамилия была Цао, он приехал в столицу несколько лет назад, спасаясь от наводнения в Хэнани. У него не было жены, а старые родители погибли там, потому он оказался одинок. Это был замкнутый человек, который мало с кем общался и предпочитал тихую жизнь, но все же он был добрым работником.

Чжунчу Чэн тихо предупредил:

— Лучше вам теперь там не говорить.

— Отчего?

— У господина Цао нашли жетон западных племен, потому подозревают сейчас в связи с варварами, — сказал Ли Инчунь и тут же, когда госпожа Ван удивленно подняла брови, улыбнулся. — Не делайте вид, словно не знали этого. Наверняка ведь вам кто-то из друзей в императорском дворце уже поведал об этом деле, иначе вы не приняли бы мои, незнакомца, расспросы так легко.

На миг Ван Сяолун замерла, а после на ее лице появилась слабая улыбка.

— Почему бы мне не довериться вам, если Пятый принц рядом?

— Если бы кто-то ему искренне доверял, то проблем у него было бы намного меньше, — тяжело вздохнув, отозвался господин Ли. Фу Ичжэнь бросил на него оскорбленный взгляд:

— Как ты можешь говорить такое после того, как я все утро помогаю тебе?

— Не путайте мягкое с теплым, Ваше Высочество, — легко, словно совершенно не чувствуя вины за свои слова, отозвался Ли Инчунь. — Вы со мной бродите, потому что вам происходящее интересно. А помогаете ли... Если бы не ваше громкое имя я, быть может, попытался сначала издали понаблюдать за лавкой, чтобы подметить странности — но куда уж теперь.

— Так я, выходит, виноват? — удивился Пятый принц, которого одновременно чужие подначки смешили, но и заставляли праведное раздражение klokотать в груди. — Может мне и извиниться теперь за это нужно?

— Ага, — бесстыдно взглянув на Фу Ичжэня, ухмыльнулся господин Ли. — Проси прощения.

Пятый принц не знал, что и ответить. Часть его души была смущена подобной вольностью в свою сторону, часть злилась на явное пренебрежением искренней помощью, а кончики пальцев предательски подрагивали от странного, незнакомого желания коснуться прямо сейчас лица смотрящего так раскованно и дерзко человека, ущипнуть его щеки и растрепать волосы, стереть с чужого лица это самодовольное выражение — или продлить его еще на несколько мгновений. Ли Инчунь дразнился так, как пели птицы ранним утром: хотелось заткнуть уши и поспать подольше, но при этом звуки ласковой песни были так приятны и нежны, что слушать их хотелось до самых вечерних сумерек.

Госпожа Ван тихо рассмеялась. Когда молодые люди посмотрели на нее, женщина постаралась придать лицу серьезное выражение.

— Эта служанка рада, что молодые господа не подозревают и ее в связи с кочевниками, — сказала Ван Сяолун. Если бы это было иначе — никто не стал бы так вежливо разговаривать с ней или дурачиться. — Новость о жетоне меня поразила, я никогда не слышала от господина Цао даже случайного упоминания о западных племенах.

— Думаете, ему могли подбросить эту вещь? — спросил Ли Инчунь и госпожа Ван покачала головой:

— Я простая торговка, как мне рассуждать о подобном? Знаю лишь, что он не стал бы замышлять заговоров — не больше.

— Заговор может замышляться против вас, — ответил Ли Инчунь. — В ближайшие дни

проверьте все свои склады и комнаты: может статься, что вам захотят подбросить еще одно «доказательство».

Госпожа Ван на миг замолчала, а лицо ее, что приобрело было живое выражение, вновь стало усталым. Словно случайный закатный луч на пасмурном осеннем небе это выражение озарила легкая улыбка:

— Спасибо господин. Это не первый раз, когда мое дело сталкивается с трудностями, но первый, когда кто-то желает мне помочь.

— О, не тревожьтесь, — небрежно махнул рукой Ли Инчунь. — Я не помогаю вам, а врежу Цзяняньскому хоу: слишком быстро он решил проверять причастность вашей лавки, к тому же не стал осматривать тело погибшего, словно уже что-то знает об этом деле.

Госпожа Ван удивилась:

— Так может... у хоу есть собственный план? Он долгое время сражался с западными варварами и наверняка знает способ их поймать.

— Конечно, он бы так и поступил, — кивнул Ли Инчунь. — Если бы был хорошим человеком.

Это заявление заставило госпожу Ван задуматься. Даже провожая своих гостей до экипажа она будто пребывала большей частью в своих размышлениях, но на прощание все же пригласила молодых людей посетить свою лавку еще раз, но этот раз — без государственной надобности. Внутри повозки Ли Инчунь шумно выдохнул и нахмурился.

— И давно Фэн Жун дружит с госпожой Ван? — спросил он через время. Фу Ичжэнь пожал плечами.

— Меня не было в столице, когда они начали общаться, но иногда они видятся или переписываются. А что?

— Думаю о том, как талантлив наш молодой господин в выборе друзей... — пробормотал господин Ли. Когда он залезал в экипаж руки пришлось вынуть из рукавов, но теперь юноша снова зябко кутался, будто легкий мороз, этим днем сковавший столицу, пробирал его до самых костей. В повозке Пятого принца были две лавки, расположенные друг к другу лицом к лицу, и каждая из них была еще и небольшим сундуком, где можно было спрятать мелкие вещи. Фу Ичжэнь и Ли Инчунь сидели на одной стороне, потому Пятому принцу легко было потянуться вперед и, достав из противоположного сиденья меховую муфту, сунуть ее в холодные руки господина Ли.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1727027>